

Виктор Пелевин

Relics.
Раннее и неизданное

ФТМ

Виктор Пелевин

**Relics. Раннее и
неизданное (сборник)**

«ФТМ»

Пелевин В. О.

Relics. Раннее и неизданное (сборник) / В. О. Пелевин —
«ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2776-6

«Relics. Раннее и неизданное» – сборник ранних произведений автора. Пелевин как всегда оригинален – не только в своем творчестве, но и в его преподнесении читателю: содержание книги повторяет хронологию событий, произошедших с Россией на стыке XX и XXI веков. Мы достаточно удалились от девяностых, чтобы разглядеть их без эффекта «лицом к лицу лица не увидеть». Поэтому в наши дни выходят фильмы-медитации вроде «Жмурок». Relics – своего рода «жмурки духа», ностальгическое воспоминание о времени малиновых пиджаков в суровую эпоху оранжевых галстуков. Книга составлена таким образом, чтобы ее содержание примерно соответствовало хронологии событий: как мы туда прибыли (для этого включены несколько совсем ранних рассказов), во что вляпались и куда после этого делись... Эти тексты лежали не «в столе» – они публиковались в журналах и газетах, просто большая их часть не выходила в книжном формате. Многие гуляют по интернету в изувеченном виде, лучше издать их, наконец, по-человечески. Кроме того, там есть эссе, которые не печатались в России. А название я позаимствовал у своей любимой пластинки Pink Floyd. В. О. Пелевин В сборник вошли произведения: • Психическая атака сонет • Колдун Игнат и люди • СССР Тайшоу Чжуань • Жизнь и приключения сарая номер XII • Водонапорная башня • Миттельшпиль • Музыка со столба • Откровение Крегера • Оружие возмездия • Бубен нижнего мира • Краткая история пэйнтбола в Москве • Нижняя тундра • Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR • Time out • Греческий вариант • Who by fire • Икслан – Петушки • ГКЧП как тетраграмматон • Зомбификация Опыт сравнительной антропологии • Джон Фаулз и трагедия русского либерализма • Имена олигархов на карте Родины • Мост, который я хотел перейти

ISBN 978-5-4467-2776-6

© Пелевин В. О.

© ФТМ

Содержание

Психическая атака	6
Колдун Игнат и люди	7
СССР Тайшоу Чжуань	9
Жизнь и приключения сарая номер XII	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Пелевин

Relics. Раннее и неизданное

Психическая атака *сонет*

«Я вывожу страниц своих войска...»

В. Маяковский

\$\$\$\$ \$\$ \$\$\$\$\$ \$ \$ \$ \$ \$ \$ \$ \$ \$ \$
\$
\$
\$ \$

\$
\$
\$
\$ \$

\$
\$
\$ \$

\$
\$
\$ \$

Петр Пустота

Колдун Игнат и люди

4 мая 1912 года к колдуну Игнату пришел в гости протоиерей Арсеникум. Пока Игнат хлопотал с самоваром и доставал пряники, гость сморкался у вешалки, долго снимал калоши, крестился и вздыхал. Потом он сел на краешек табурета, достал из-под рясы папку красного картона, раскрыл и развязно сказал Игнату:

– Глянь-ка, чего я понаписал!

– Интересно, – сказал Игнат, беря первый лист, – вслух читать?

– Что ты! – испуганно зашипел протоиерей. – Про себя!

Игнат стал читать:

ОТКРОВЕНИЕ СВ. ФЕОКТИСТА

«Люди! – сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. – Христос явился мне, истинно так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло».

– Ха-ха-ха! – засмеялся Игнат, а сам подумал: «Неспроста это». Но виду не подал.

– А есть еще? – спросил он вместо этого.

– Ага!

Протоиерей дал Игнату новый листок и тот прочел:

КАК МИХАИЛ ИВАНЫЧ С УМА СОШЕЛ И УМЕР

«Куда бы я ни пошел, – подумал Михаил Иванович, с удивлением садясь на диван, – везде обязательно оказывается хоть один сумасшедший. Но вот, наконец, я в одиночестве...»

«Да и потом, – продолжал Михаил Иванович, с удивлением поворачиваясь к окну, – где бы я ни оказался, везде обязательно присутствовал хоть один мертвец. Но вот я один, слава богу...»

«Настало время, – сказал себе Михаил Иванович, с удивлением открывая ставень, – подумать о главном...»

«Нет, точно, неспроста это», – решил Игнат, но виду опять не подал и вместо этого сказал:

– Интересно. Только не очень понятна главная мысль.

– Очень просто, – ответил протоиерей, нахально подмигивая, – дело в том, что смерти предшествует короткое помешательство. Ведь идея смерти непереносима.

«Нет, – подумал Игнат, – что-то он определенно крутит».

– А вот еще, – весело сказал протоиерей, и Игнат прочел:

РАССКАЗ О ТАРАКАНЕ ЖУ

Таракан Жу несгибаемо движется навстречу смерти. Вот лежит яд. Нужно остановиться и повернуть в сторону.

«Успел. Смерть впереди», – отмечает таракан Жу.

Вот льется кипяток. Нужно увернуться и убежать под стол.

*«Успел. Смерть впереди», – отмечает таракан Жу.
Вот в небе появляется каблук и, вырастая, несется к земле. Увернуться
уже нельзя.
«Смерть», – отмечает таракан Жу.*

Игнат поднял голову. Вошли какие-то мужики в овчинах, пряча за спины ржавые большие топоры.

– Дверь отпер... Понятно. То-то я думал – долго ты раздеваешься, – сказал Игнат.

Протоиерей с достоинством расправил бороду.

– Чего вам надо, а? – строго спросил Игнат мужиков.

– Вот, – стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, отвечали мужики, – убить тебя думаем.

Всем миром решили. Мир завсегда колдунов убивает.

«Мир, мир... – с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, – мир сам давно убит своими собственными колдунами».

– Тьфу ты, – сплюнул протоиерей и перекрестился. – Опять не вышло...

– Так-то разве убьешь, – сказал кто-то из мужиков, сморкаясь в рукав. – Икону надоть.

СССР Тайшоу Чжуань

Китайская народная сказка

Как известно, наша Вселенная находится в чайнике некоего Люй Дунбиня, продающего всякую мелочь на базаре в Чаньани. Но вот что интересно: Чаньани уже несколько столетий как нет, Люй Дунбинь уже давно не сидит на тамошнем базаре, и его чайник давным-давно переплавлен или сплюснулся в лепешку под землей. Этому странному несоответствию – тому, что Вселенная еще существует, а ее вмещалище уже погребено – можно, на мой взгляд, предложить только одно разумное объяснение: еще когда Люй Дунбинь дремал за своим прилавком на базаре, в его чайнике шли раскопки развалин бывшей Чаньани, зарастала травой его собственная могила, люди запускали в космос ракеты, выигрывали и проигрывали войны, строили телескопы и танкостроительные...

Стоп... Отсюда и начнем. Чжана Седьмого в детстве звали Красной Звездочкой. А потом он вырос и пошел работать в коммуны.

У крестьянина ведь какая жизнь? Известно какая. Вот и Чжан – приуныл и запил без удержу. Так, что даже потерял счет времени. Напившись с утра, он прятался в пустой рисовый амбар на своем дворе, чтобы не заметил председатель, Фу Юйши, по прозвищу Медный Энгельс. (Так его звали за большую политическую грамотность и физическую силу.) А прятался Чжан потому, что Медный Энгельс часто обвинял пьяных в каких-то непонятных вещах – в конформизме, перерождении – и заставлял их работать бесплатно. Спорить с ним боялись, потому что это он называл контрреволюционным выступлением и саботажем, а контрреволюционных саботажников положено было отправлять в город.

В то утро, как обычно, Чжан и все остальные валялись пьяные по своим амбарам, а Медный Энгельс ездил на ослике по пустынным улицам, ища, кого бы послать на работу. Чжану было совсем худо, он лежал животом на земле, накрыв голову пустым мешком из-под риса. По его лицу ползло несколько муравьев, а один даже заполз в ухо, но Чжан не мог пошевелить рукой, чтобы раздавить их, такое было похмелье. Вдруг издалека – от самого ямыня партии, где был репродуктор, – донеслись радиосигналы точного времени. Семь раз прогудел гонг, и тут...

Не то Чжану примерещилось, не то вправду: к амбару подъехала длинная черная машина. Даже непонятно было, как она прошла в ворота. Из нее вышли два толстых чиновника в темных одеждах, с квадратными ушами и значками в виде красных флажков, а в глубине машины остался еще один, с золотой звездой на груди и с усами, как у креветки. Он обмахивался красной папкой. Первые двое взмахнули рукавами и вошли в амбар. Чжан откинул с головы мешок и, ничего не понимая, уставился на гостей.

Один из них приблизился к Чжану, три раза поцеловал его в губы и сказал:

– Мы прибыли из далекой земли СССР. Наш Сын Хлеба много слышал о ваших талантах и справедливости и вот приглашает вас к себе.

Чжан и не слышал никогда о такой стране. «Неужто, – подумал он, – Медный Энгельс на меня донос сделал, и это меня за саботаж забирают? Говорят, они при этом любят придумываться...»

От страха Чжан аж вспотел.

– А вы сами-то кто? – спросил он.

– Мы – референты, – ответили незнакомцы, взяли Чжана за рубаху и штаны, кинули на заднее сиденье и сели по бокам. Чжан попробовал было вырваться, но так получил по ребрам, что сразу покорился. Шофер завел мотор, и машина тронулась.

Странная была поездка. Сначала вроде ехали по знакомой дороге, а потом вдруг свернули в лес и словно нырнули в какую-то яму. Машину тряхнуло, и Чжан зажмурился, а когда открыл глаза – увидел, что едет по широкому шоссе, по бокам которого стоят косые домики с антеннами, бродят коровы, и висят плакаты с мясистыми лицами правителей древности и надписями, сделанными старинным головоастиковым письмом. Все это как бы смыкалось над головой, и казалось, что дорога идет внутри огромной пустой трубы. «Как в стволе у пушки», – почему-то подумал Чжан.

Удивительно – всю жизнь он провел в своей деревне и даже не знал, что рядом есть такие места. Стало ясно, что они едут не в город, и Чжан успокоился.

Дорога оказалась долгой. Через пару часов Чжан стал клевать носом, а потом и вовсе заснул. Ему приснилось, что Медный Энгельс утерять партбилет и он, Чжан, назначен председателем коммуны вместо него и вот идет по безлюдной пыльной улице, ища, кого бы послать на работу. Подойдя к своему дому, он подумал: «А что, Чжан-то Седьмой небось лежит в амбаре пьяный... Дай-ка зайду посмотрю».

Вроде бы он помнил, что Чжан Седьмой – это он сам, и все равно – пришла в голову такая мысль. Чжан очень этому удивился – даже во сне, – но решил, что раз его сделали председателем, то перед этим он, наверное, изучил искусство партийной бдительности, и это он и есть.

Он дошел до амбара, приоткрыл дверь и видит: точно. Спит в углу, а на голове – мешок. «Ну подожди», – подумал Чжан, поднял с пола недопитую бутылку пива и вылил прямо на накрытый мешком затылок.

И тут вдруг над головой что-то загудело, завывало, застучало – Чжан замахал руками и проснулся.

Оказалось, это на крыше машины включили какую-то штуку, которая вертелась, мигала и выла. Теперь все машины и люди впереди стали уступать дорогу, а стражники с полосатыми жезлами – отдавать честь. Двое спутников Чжана даже покраснели от удовольствия.

Чжан опять задремал, а когда проснулся, было уже темно, машина стояла на красивой площади в незнакомом городе, и вокруг толпились люди; близко их, однако, не подпускал наряд стражников в черных шапках.

– Что же, надо бы к трудящимся выйти, – с улыбкой сказал Чжану один из спутников.

Чжан заметил, что чем дальше они отъезжали от его деревни, тем вежливее вели себя с ним эти двое.

– Где мы? – спросил Чжан.

– Это Пушкинская площадь города Москвы, – ответил референт и показал на тяжелую металлическую фигуру, отчетливо видную в лучах прожекторов рядом с блестящим и рассыпающимся в воздухе столбом воды; над памятником и фонтаном неслись по небу горящие слова и цифры.

Чжан вылез из машины. Несколько прожекторов осветили толпу, и он увидел над головами огромные плакаты:

«Привет товарищу Колбасному от трудящихся Москвы!»

Еще над толпой мелькали его собственные портреты на шестах. Чжан вдруг заметил, что без труда читает головоастиковое письмо и даже не понимает, почему это его называли головоастиковым, но не успел этому удивиться, потому что к нему сквозь милицкий кордон протиснулась небольшая группа людей: две женщины в красных, до асфальта, сарафанах, с жестяными полукругами на головах, и двое мужчин в военной форме с укороченными балалайками. Чжан понял, что это и есть трудящиеся. Они несли перед собой что-то темное, маленькое и круглое, похожее на переднее колесо от трактора «Шанхай». Один из референтов прошептал

Чжану на ухо, что это так называемый хлеб-соль. Слушаясь его же указаний, Чжан бросил в рот кусочек хлеба и поцеловал одну из девушек в наруганную щеку, поцарапав лоб о жестяной кокошник.

Тут грянул оркестр милиции, игравший на странной форме цинах и юях, и площадь закричала:

– У-rrp-aaaa!!!

Правда, некоторые кричали, что надо бить каких-то жидов, но Чжан не знал местных обычаев и на всякий случай не стал про это расспрашивать.

– А кто такой товарищ Колбасный? – поинтересовался он, когда площадь осталась позади.

– Это вы теперь – товарищ Колбасный, – ответил референт.

– Почему это? – спросил Чжан.

– Так решил Сын Хлеба, – ответил референт. – В стране не хватает мяса, и наш повелитель полагает, что, если у его наместника будет такая фамилия, трудящиеся успокоятся.

– А что с прошлым наместником? – спросил Чжан.

– Прошлый наместник, – ответил референт, – похож был на свинью, его часто показывали по телевизору, и трудящиеся на время забывали, что мяса не хватает. Но потом Сын Хлеба узнал, что наместник скрывает, что ему давно отрубили голову, и пользуется услугами мага.

– А как же его тогда показывали по телевизору, если у него голова была отрублена? – спросил Чжан.

– Вот это и было самым обидным для трудящихся, – ответил референт и замолчал.

Чжан хотел было спросить, что было дальше и почему это референты все время называют людей трудящимися, но не решился – побоялся попасть впросак.

Скоро машина остановилась у большого кирпичного дома.

– Здесь вы будете жить, товарищ Колбасный, – сказал кто-то из референтов.

Чжана провели в квартиру, которая была убрана роскошно и дорого, но с первого взгляда вызвала у Чжана нехорошее чувство. Вроде бы и комнаты были просторные, и окна большие, и мебель красивая, но все это было каким-то ненастоящим, отдавало какой-то чертовщиной: хлопны, казалось, в ладоши посильнее, и все исчезнет.

Но тут референты сняли пиджаки, на столе появилась водка и мясные закуски, и через несколько минут Чжану сам черт стал не брат.

Потом референты засучили рукава, один из них взял гитару и заиграл, а другой запел приятным голосом:

– Мы – дети Галактики, но – самое главное,
Мы – дети твои, дорогая Земля!

Чжан не очень понял, чьи они дети, но они нравились ему все больше и больше. Они ловко жонглировали и кувыркались, а когда Чжан хлопал в ладоши, читали свободолобивые стихи и пели красивые песни про то, как хорошо лежать ночью у костра и глядеть на звездное небо, про строгую мужскую дружбу и красоту молоденьких певичек. Еще была там одна песня про что-то непонятное, от чего у Чжана сжалось сердце.

Когда Чжан проснулся, было утро. Один из референтов тряс его за плечо. Чжану стало стыдно, когда он увидел, в каком виде спал, тем более что референты были свежими и умытыми.

– Прибыл Первый Заместитель! – сказал один из них.

Чжан увидел, что его латаная синяя куртка куда-то пропала; вместо нее на стуле висел серый пиджак с красным флажком на лацкане. Он стал торопливо одеваться и как раз кончил завязывать галстук, когда в комнату ввели невысокого человека в благородных сединах.

– Товарищ Колбасный! – возвестил он. – Основа колеса – спицы; основа порядка в Поднебесной – кадры; надежность колеса зависит от пустоты между спицами, а кадры решают все. Сын Хлеба слышал о вас как о благородном и просвещенном муже и хочет пожаловать вам высокую должность.

– Смею ли мечтать о такой чести? – отозвался Чжан, с трудом сдерживая икоту.

Первый Заместитель пригласил его за собой. Они спустились вниз, сели в черную машину и поехали по улице, которая называлась «Большая Бронная». И вот они оказались у дома вроде того, где Чжан провел ночь, только в несколько раз больше. Вокруг дома был большой парк.

Первый Заместитель пошел по узкой дорожке впереди; Чжан двинулся за ним, слушая, как спешащий сзади референт играет на маленькой флейте в форме авторучки.

Светила луна. По пруду плавали удивительной красоты черные лебеди, про которых Чжану сказали, что все они на самом деле заколдованные воины КГБ. За тополями и ивами прятались десантники, переодетые морской пехотой. В кустах залегла морская пехота, переодетая десанниками. А у самого входа в дом несколько старушек с лавки мужскими голосами велели им остановиться и лечь на землю, сложив руки на затылке.

Внутри пустили только Первого Заместителя и Чжана. Они долго шли по каким-то коридорам и лестницам, на которых играли веселые нарядные дети, и наконец приблизились к высоким инкрустированным дверям, у которых на часах стояли два космонавта с огнеметами.

Чжан был перепуган и подавлен таким величием. Первый Заместитель открыл тяжелую дверь и сказал Чжану:

– Прошу.

Чжан услышал негромкую музыку и на цыпочках вошел внутрь. Он оказался в просторной светлой комнате, окна которой были распахнуты в небо, а в самом центре, за белым роялем,¹ сидел Сын Хлеба, весь в хлебных колосьях и золотых звездах. Сразу было видно, что это человек необыкновенный. Рядом с ним стоял большой металлический шкаф, к которому он был присоединен несколькими шлангами; в шкафу что-то тихонько булькало. Сын Хлеба глядел на вошедших, но, казалось, не видел их; влетающий в окна ветер шевелил его седые волосы.

На самом деле он, конечно, все видел – через минуту он убрал руки с рояля, милостиво улыбнулся и сказал:

– С целью укрепления...

Говорил он невнятно и как бы задыхаясь, и Чжан понял только, что будет теперь очень важным чиновником. Потом состоялся обед. Так вкусно Чжан никогда еще не ел. Сам Сын Хлеба не положил себе в рот ни кусочка. Вместо этого референты открыли в шкафу дверцу, бросили туда несколько лопат икры и вылили бутылку пшеничного вина. Чжан никогда бы не подумал, что такое бывает. После обеда они с Первым Заместителем поблагодарили правителя СССР и вышли.

Его отвезли домой, а вечером состоялся торжественный концерт, где Чжана усадили в самом первом ряду. Концерт был величественным зрелищем. Все номера удивляли количеством участников и слаженностью их действий. Особенно Чжану понравился детский патристический танец «Мой тяжелый пулемет» и «Песня о триединой задаче» в исполнении государственного хора. Вот только при исполнении этой песни на солиста навели зеленый прожектор, и лицо у него стало совсем трупным; но Чжан не знал всех местных обычаев. Поэтому он и не стал ни о чем спрашивать своих референтов.

¹ Редкий музыкальный инструмент, напоминающий гусли.

Утром, проезжая по городу, Чжан увидел из окна машины длинные толпы народа. Референт объяснил, что все эти люди вышли проголосовать за Ивана Семеновича Колбасного – то есть за него, Чжана. А в свежей газете Чжан увидел свой портрет и биографию, где было сказано, что у него высшее образование и раньше он находился на дипломатической работе.

Вот так, в восемнадцатом году правления под девизом «Эффективность и качество», Чжан Седьмой стал важным чиновником в стране СССР.

Потянулась новая жизнь. Дел у Чжана не было никаких, никто ни о чем его не спрашивал и ничего от него не хотел. Иногда только его призывали в один из московских дворцов, где он молча сидел в президиуме во время исполнения какой-нибудь песни или танца; сначала он очень смущался, что на него глядит столько народа, а потом подсмотрел, как ведут себя другие, и стал поступать так же – закрывать пол-лица ладонью и вдумчиво кивать в самых неожиданных местах.

Появились у него лихие дружки: народные артисты, академики и генеральные директоры, умелые в боевых искусствах. Сам Чжан стал Победителем Социалистического Соревнования и Героем Социалистического Труда. С утра они всей компанией напивались и шли в Большой театр безобразничать с тамошними певичками и певцами – правда, если там гулял кто-нибудь более важный, чем Чжан, им приходилось поворачивать. Тогда они вваливались в какой-нибудь ресторан, и если простой народ или даже служилые люди видели на дверях табличку «Спецобслуживание», они сразу понимали, что там веселится Чжан со своей компанией, и обходили это место стороной.

Еще Чжан любил выезжать в ботанический сад любоваться цветами; тогда, чтобы не мешали простолюдины, сад оцепляли телохранители Чжана.

Трудящиеся очень уважали и боялись Чжана; они присылали ему тысячи писем, жалуясь на несправедливость и прося помочь в самых разных делах. Чжан иногда выдергивал из стопки какое-нибудь письмо наугад и помогал – из-за этого о нем шла добрая слава.

Что больше всего нравилось Чжану, так это не бесплатная кормежка и выпивка, не все его особняки и любовницы, а здешний народ, трудящиеся. Они были работающие и скромные, с пониманием; Чжан мог, например, давить их, сколько хотел, колесами своего огромного черного лимузина, и все, кому случалось быть при этом на улице, отворачивались, зная, что это не их дело, а для них главное – не опоздать на работу. А уж беззаветные были – прямо как муравьи. Чжан даже написал в главную газету статью: «С этим народом можно делать что угодно», и ее напечатали, чуть изменив заголовок: «С таким народом можно творить великие дела». Примерно это Чжан и хотел сказать.

Сын Хлеба очень любил Чжана. Часто вызывал его к себе и что-то бубнил, только Чжан не понимал ни слова. В шкафу что-то булькало и урчало, и Сын Хлеба с каждым днем выглядел все хуже. Чжану было очень его жаль, но помочь ему он никак не мог.

Однажды, когда Чжан отдыхал в своем подмосковном поместье, пришла весть о смерти Сына Хлеба. Чжан перепугался и подумал, что его теперь непременно схватят. Он хотел уже было удавиться, но слуги уговорили его повременить. И правда, ничего страшного не случилось. Наоборот, ему дали еще одну должность: теперь он возглавил всю рыбную ловлю в стране. Несколько друзей Чжана арестовали, и установилось новое правление под девизом «Обновление истоков». В эти дни Чжан так перенервничал, что начисто забыл, откуда он родом, и сам стал верить, что находился раньше на дипломатической работе, а не пьянствовал дни и ночи напролет в маленькой глухой деревушке.

В восьмом году правления под девизом «Письма трудящихся» Чжан стал наместником Москвы. А в третьем году правления под девизом «Сияние истины» он женился, взяв за себя красавицу дочь несметно богатого академика; была она изящной, как куколка, прочла много книг и знала танцы и музыку. Вскоре она родила ему двух сыновей.

Шли годы, правитель сменял правителя, а Чжан все набирал силу. Постепенно вокруг него сплотилось много преданных чиновников и военных, и они стали тихонько поговаривать, что Чжану пора взять власть в свои руки. И вот однажды утром свершилось.

Теперь Чжан узнал тайну белого рояля. Главной обязанностью Сына Хлеба было сидеть за ним и наигрывать какую-нибудь несложную мелодию. Считалось, что при этом он задает исходную гармонию, в соответствии с которой строится все остальное управление страной. Правители, понял Чжан, различались между собой тем, какие мелодии они знали. Сам он хорошо помнил только «Собачий вальс» и большей частью наигрывал именно его. Однажды он попробовал сыграть «Лунную сонату», но несколько раз ошибся, и на следующий день на Крайнем Севере началось восстание племен, и на юге произошло землетрясение, при котором, слава Богу, никто не погиб. Зато с восстанием пришлось повозиться: мятежники под черными знаменами с желтым кругом посередине пять дней сражались с ударной десантной дивизией «Братья Карамазовы», пока не были перебиты все до одного.

С тех пор Чжан не рисковал и играл только «Собачий вальс» – зато его он мог исполнять как угодно: с закрытыми глазами, спиной к роялю и даже лежа на нем животом. В секретном ящике под роялем он нашел сборник мелодий, составленный правителями древности. По вечерам он часто листал его. Он узнал, например, что в тот самый день, когда правитель Хрущев исполнял мелодию «Полет шмеля», над страной был сбит вражий самолет. Ноты многих мелодий были замазаны черной краской, и уже нельзя было узнать, что играли правители тех лет.

Теперь Чжан стал самым могущественным человеком в стране. Девизом своего правления он выбрал слова: «Великое умиротворение». Жена Чжана строила новые дворцы, сыновья росли, народ процветал, но сам Чжан часто бывал печален. Хотя и не существовало удовольствия, которого он бы не испытал, но и многие заботы подтачивали его сердце. Он стал сидеть и все хуже слышал левым ухом.

По вечерам Чжан переодевался интеллигентом и бродил по городу, слушая, что говорит народ. Во время своих прогулок стал он замечать, что, как он ни плутай, все равно выходит на одни и те же улицы. У них были какие-то странные названия: «Малая Бронная», «Большая Бронная» – эти, например, были в центре, а самая отдаленная улица, на которую однажды забрел Чжан, называлась «Шарикоподшипниковская».

Где-то дальше, говорили, был Пулеметный бульвар, а еще дальше – первый и второй Гусеничные проезды. Но там Чжан никогда не бывал. Переодевшись, он или пил в ресторанах у Пушкинской площади, или заезжал на улицу Радио к своей любовнице и вез ее в тайные продовольственные лавки на Трупной площади. (Так она на самом деле называлась, но чтобы не пугать трудящихся, на всех вывесках вместо буквы «п» была буква «б».) Любовница – молоденькая балерина – радовалась при этом, как девочка, и у Чжана становилось полегче на душе, а через минуту они уже оказывались на Большой Бронной.

И вот с некоторых пор такая странная замкнутость окружающего мира стала настораживать Чжана. Нет, были, конечно, и другие улицы и вроде бы даже другие города и провинции – но Чжан, как давний член высшего руководства, отлично знал, что они существуют в основном в пустых промежутках между теми улицами, на которые он все время выходил во время своих прогулок, и как бы для отвода глаз.

А Чжан, хоть и правил страной уже одиннадцать лет, все-таки был человек честный, и очень ему странно было произносить речи про какие-то поля и просторы, когда он помнил, что и большинства улиц в Москве, можно считать, на самом деле нету.

Однажды днем он собрал руководство и сказал:

– Товарищи! Ведь мы все знаем, что у нас в Москве только несколько улиц настоящих, а остальных почти не существует. А уж дальше, за Окружной дорогой, вообще непонятно что начинается. Зачем же тогда...

Не успел он договорить, как все вокруг закричали, вскочили с мест и сразу проголосовали за то, чтобы снять Чжана со всех постов. А как только это сделали, новый Сын Хлеба влез на стол и закричал:

– А ну, завязать ему рот и...

– Позвольте хоть проститься с женой и детьми! – взмолился Чжан.

Но его словно никто не слышал: связали по рукам и ногам, заткнули рот и бросили в машину.

Дальше все было как обычно – отвезли его в Китайский проезд, остановились прямо посреди дороги, открыли люк в асфальте и кинули туда вниз головой.

Чжан обо что-то ударился затылком и потерял сознание.

А когда открыл глаза – увидел, что лежит в своем амбаре на полу. Тут из-за стены дважды донесся далекий звук гонга, и женский голос сказал:

– Пекинское время девять часов...

Чжан провел рукой по лбу, вскочил и, шатаясь, выбежал на улицу. А тут из-за угла как раз выехал на ослике Медный Энгельс. Чжан сдуру побежал, и Медный Энгельс со звонким цоканьем поскакал за ним мимо молчащих домов с опущенными ставнями и запертыми воротами; на деревенской площади он настиг Чжана, обвинил его в чжунгофобии и послал на сортировку грибов моэр.

Вернувшись через три года домой, Чжан первым делом пошел осматривать амбар. С одной стороны его стена упиралась в забор, за которым была огромная куча мусора, копившегося на этом месте, сколько Чжан себя помнил. По ней ползали большие рыжие муравьи.

Чжан взял лопату и стал копать. Несколько раз воткнул ее в кучу, и она ударила о железо. Оказалось, что под мусором – японский танк, оставшийся со времен войны. Стоял он в таком месте, что с одной стороны был заслонен амбаром, а с другой – забором, и был скрыт от взглядов, так что Чжан мог спокойно раскапывать его, не боясь, что кто-то это увидит, тем более что все лежали по домам пьяные.

Когда Чжан открыл люк, ему в лицо пахнуло кислым запахом. Оказалось, что там большой муравейник. Еще в башне были останки танкиста.

Приглядевшись, Чжан стал кое-что узнавать. Возле казенника пушки на позеленевшей цепочке висела маленькая бронзовая фигурка-брелок. Рядом, под смотровой щелью, была лужица – туда во время дождей капала протекающая вода. Чжан узнал Пушкинскую площадь, памятник и фонтан. Мятая банка от американских консервов была рестораном «Макдональдс», а пробка от кока-колы – той самой рекламой, на которую Чжан подолгу, бывало, глядел, сжимая кулаки, из окна своего лимузина. Все это не так давно выбросили проезжавшие через деревню американские туристы.

Мертвый танкист почему-то был не в шлеме, а в съехавшей на ухо пилотке; так вот, кокарда на этой пилотке очень напоминала купол кинотеатра «Мир». А на остатках щек у трупа были длинные бакенбарды, по которым ползало много муравьев с личинками, – глянув на них, Чжан узнал два бульвара, сходящихся у Трупной площади. Узнал он и многие улицы: Большая Бронная – это была лобовая броня, а Малая Бронная – бортовая.

Из танка торчала ржавая антенна; Чжан догадался, что это Останкинская телебашня. Само Останкино было трупом стрелка-радиста. А водитель, видимо, спасся.

Взяв длинную палку, Чжан поковырял в муравьиной куче и отыскал матку – там, где в Москве проходила Мантулинская улица и куда никогда никого не пускали. Отыскал Чжан и Жуковку, где были самые важные дачи, – это была большая жучья нора, в которой копошились толстые муравьи длиной в три цуня каждый. А окружная дорога – это был круг, на котором вращалась башня.

Чжан подумал, вспомнил, как его вязали и бросали головой вниз в колодец, и в нем проснулась не то злоба, не то обида; в общем, развел он хлорку в двух ведрах да и вылил ее в люк.

Потом он захлопнул люк и забросал танк землей и мусором, как было. И скоро совсем позабыл обо всей этой истории. У крестьянина ведь какая жизнь? Известно.

Чтобы его не обвинили в том, будто он оруженосец японского милитаризма, Чжан никогда никому не рассказывал, что у него возле дома японский танк.

Мне же эту историю он поведал через много лет, в поезде, где мы случайно встретились. Она показалась мне правдивой, и я решил ее записать.

Пусть все это послужит уроком для тех, кто хочет вознестись к власти; ведь если вся наша Вселенная находится в чайнике Люй Дунбиня, что же такое тогда страна, где побывал Чжан! Провел там лишь миг, а показалось – прошла жизнь. Прошел путь от пленника до правителя, а оказалось – переполз из одной норки в другую. Чудеса, да и только. Недаром товарищ Ли Чжао из Хуачжоуского крайкома партии сказал: «Знатность, богатство, высокий чин, могущество и власть, способные сокрушить государство, в глазах мудрого мужа немногим отличны от муравьиной кучи».

По-моему, это так же верно, как и то, что Китай на севере доходит до Ледовитого океана, а на западе – до Франкобритании.

Со Лу-Тан

Жизнь и приключения сарая номер XII

В начале было слово, и даже, наверное, не одно – но он ничего об этом не знал. В своей нулевой точке он находил пахнущие свежей смолой доски, которые лежали штабелем на мокрой траве и впитывали желтыми гранями солнце; находил гвозди в фанерном ящике, молотки, пилы и прочее, – представляя все это, он замечал, что скорей домысливает картину, чем видит ее. Слабое чувство себя появилось позже, когда внутри уже стояли велосипеды, а его правую сторону заняли полки в три яруса. По-настоящему он был тогда еще не Номером XII, а просто новой конфигурацией штабеля досок, но именно эти времена оставили в нем самый чистый и запомнившийся отпечаток: вокруг лежал необъяснимый мир, а он, казалось, в своем движении по нему остановился на какое-то время здесь, в этом месте.

Место, правда, было не из лучших – задворки пятиэтажки, возле огородов и помойки, – но стоило ли расстраиваться? Ведь не всю жизнь он здесь проведет. Задумайся он об этом, пришлось бы, конечно, ответить, что именно всю жизнь он здесь и проведет, как это вообще свойственно сараям, – но прелесть самого начала жизни заключается как раз в отсутствии таких размышлений: он просто стоял себе под солнцем, наслаждаясь ветром, летящим в щели, если тот дул от леса, или впадая в легкую депрессию, если ветер дул со стороны помойки; депрессия проходила, как только ветер менялся, не оставляя на его неоформившейся душе долговечных следов.

Однажды к нему приблизился голый по пояс мужчина в красных тренировочных штанах; в руках он держал кисть и здоровенную жестянку краски. Этот мужчина, которого сарай уже научился узнавать, отличался от всех остальных людей тем, что имел доступ внутрь, к велосипедам и полкам. Остановясь у стены, он обмакнул кисть в жестянку и провел по доскам ярко-багровую черту. Через час весь сарай багровел, как дым, в свое время восходивший, по некоторым сведениям, кругами к небу; это стало первой реальной вехой в его памяти – до нее на всем лежал налет потусторонности и счастья.

В ночь после окраски, получив черную римскую цифру – имя (на соседних сараях стояли обычные цифры), он просыхал, подставив луне покрытую толем крышу.

«Где я, – думал он, – кто я?»

Сверху было темное небо, потом он, а внутри стояли новенькие велосипеды; на них сквозь щель падал луч от лампы во дворе, и звонки на их рулях блестели загадочней звезд. Сверху на стене висел пластмассовый обруч, и Номер XII самыми тонкими из своих досок осознавал его как символ вечной загадки мироздания, представленной – это было так чудесно – и в его душе. На полках лежала всякая ерунда, придававшая разнообразие и неповторимость его внутреннему миру. На нитке, протянутой от стены к стене, сохли душица и укроп, напоминая о чем-то таком, чего с сараями просто не бывает, – тем не менее они именно напоминали, и ему иногда мерещилось, что раньше он был не сараем, а дачей или по меньшей мере гаражом.

Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало – то есть он сам, – складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахнувших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого. В каждом из этих существований было бесконечно много оттенков, но все-таки любому соответствовало что-то главное для него – какое-то решающее чувство, и все они, сливаясь, образовывали новое единство, огражденное в пространстве свежеевыкрашенными досками, но не ограниченное ничем; это и был он, Номер XII, и над ним в небе сквозь туман и тучи неслась полностью равноправная луна... С тех пор по-настоящему и началась его жизнь.

Скоро Номер XII понял, что больше всего ему нравится ощущение, источником или проводником которого были велосипеды. Иногда, в жаркий летний день, когда мир вокруг зати-

хал, он тайно отождествлял себя то со складной «Камой», то со «Спутником» и испытывал два разных вида полного счастья.

В этом состоянии ничего не стоило оказаться километров за пятьдесят от своего настоящего местонахождения и катить, например, по безлюдному мосту над каналом в бетонных берегах или по сиреневой обочине нагретого шоссе, сворачивать в тоннели, образованные разросшимися вокруг узкой грунтовой дорожки кустами, чтобы, пропетляв по ним, выехать уже на другую дорогу, ведущую к лесу, через лес, через поле – прямо в оранжевое небо над горизонтом; можно было, наверное, ехать по ней до самого конца жизни, но этого не хотелось, потому что счастье приносила именно эта возможность. Можно было оказаться в городе, в каком-нибудь дворе, где из трещин асфальта росли какие-то длинные стебли, и провести там вечер – вообще, можно было почти все.

Когда он захотел поделиться некоторыми из своих переживаний с оккультно ориентированным гаражом, стоящим рядом, он услышал в ответ, что высшее счастье на самом деле только одно, и заключается в экстатическом единении с архетипом гаража, – как тут было рассказать собеседнику о двух разных видах совершенного счастья, одно из которых было складным, а другое зато имело три скорости?

– Что, и я тоже должен стараться почувствовать себя гаражом? – спросил он как-то.

– Другого пути нет, – отвечал гараж, – тебе это, конечно, вряд ли удастся до конца, но у тебя все же больше шансов, чем у конуры или табачного киоска.

– А если мне нравится чувствовать себя велосипедом? – высказал Номер XII свое сокровенное.

– Ну что же, чувствуй. Запретить не могу. Чувства низшего порядка для некоторых – предел, и ничего с этим не поделаешь, – сказал гараж.

– А чего это у тебя мелом на боку написано? – переменил тему Номер XII.

– Не твое дело, говно фанерное, – ответил гараж с неожиданной злобой.

Номер XII заговорил об этом, понятно, от обиды – кому не обидно, когда его чувства называют низшими? После этого случая ни о каком общении с гаражом не могло быть и речи, да Номер XII и не жалел. Однажды утром гараж снесли, и Номер XII остался в одиночестве.

Правда, с левой стороны к нему подходили два других сарая, но он старался даже не думать о них. Не из-за того, что они были несколько другой конструкции и окрашены в тусклый неопределенный цвет – с этим можно было бы смириться. Дело заключалось в другом: рядом, на первом этаже пятиэтажки, где жили хозяева Номера XII, находился большой овощной магазин, и эти сараи служили для него подсобными помещениями. В них хранилась морковь, картошка, свекла, огурцы – но определяющим все главное относительно Номера 13 и Номера 14 была, конечно, капуста в двух затянутых полиэтиленом огромных бочках. Номер XII часто видел их стянутые стальными обручами глубоководные тела, выкатывающиеся на ребре во двор в окружении свиты испитых рабочих. Тогда ему становилось страшно и он вспоминал одно из высказываний покойного гаража, которого он часто с грустью вспоминал: «От некоторых вещей в жизни надо попросту как можно скорее отвернуться», – вспоминал и сразу следовал ему. Темная труднопонимаемая жизнь соседей, их тухлые испарения и тупая жизнеспособность угрожали Номеру XII, потому что само существование этих приземистых построек отрицало все остальное и каждой каплей рассола в бочках заявляло, что Номер XII в этой вселенной совершенно не нужен; во всяком случае, так он расшифровывал исходившие от них волны осознания мира.

Но день кончался, свет мерк, Номер XII становился велосипедом, несущимся по пустынной автостраде, и вспоминать о дневных ужасах было просто смешно.

Была середина лета, когда звякнул замок, откинулась скоба запора и внутрь Номера XII вошли двое: хозяин и какая-то женщина. Она очень не понравилась Номеру XII, потому что непонятным образом напомнила ему все то, чего он не переносил. Не то чтобы от женщины

пахло капустой и поэтому она производила такое впечатление – скорее наоборот, запах капусты содержал сведения об этой женщине; она как бы овеществляла собой идею квашения и воплощала ту угнетающую волю, которой Номера 13 и 14 были обязаны своим настоящим.

Номер XII задумался, а люди между тем говорили:

– Ну что, полки снять, и хорошо, хорошо...

– Сарай – первый сорт, – отзывался хозяин, выкатывая наружу велосипеды. – Не протекает, ничего. А цвет-то какой!

Выкатив велосипеды и прислонив их к стене, он начал беспорядочно собирать с полок все, что там лежало. Тогда Номеру XII стало не по себе.

Конечно, и раньше велосипеды часто исчезали на какой-то срок, и он умел закрывать возникавшую пустоту своей памятью – потом, когда велосипеды ставили на место, он удивлялся несовершенству созданных памятью образов по сравнению с действительной красотой велосипедов, запросто излучаемой ими в пространство, – так вот, пропав, велосипеды всегда возвращались, и эти недолгие расставания с главным в собственной душе сообщали жизни Номеру XII прелесть непредсказуемости завтрашнего дня; но сейчас все было по-другому. Велосипеды забирали навсегда.

Он понял это по полному и бесцеремонному опустошению, которое производил в нем носитель красных штанов, – такое было впервые. Женщина в белом халате давно уже ушла, а хозяин еще копался, сгребая инструменты в сумку, снимая со стен жестянки и старые клееные камеры. Потом почти к двери подъехал грузовик, и оба велосипеда вслед за набитыми до отказа сумками покорно нырнули в его разверстый брезентовый зад.

Номер XII был пуст, а его дверь открыта настежь.

Но, несмотря ни на что, он продолжал быть самим собой. В нем продолжали жить души всего того, чего его лишила жизнь; и хоть они стали подобны теням, они по-прежнему сливались вместе, чтобы составить его, Номера XII, индивидуальность, вот только для сохранения индивидуальности требовалась вся сила воли, которую он мог собрать.

Утром он заметил в себе перемену – его не интересовал больше окружающий мир, а все, что его занимало, находилось в прошлом, перемещаясь кругами по памяти. Он знал, как это объяснить: хозяин, уезжая, забыл обруч, оставшийся единственной реальной частью его нынешней призрачной души, и поэтому Номер XII теперь сильно напоминал себе замкнутую окружность. Но у него не было сил как-то к этому отнестись и подумать: хорошо ли это? Плохо ли? Все заливала и обесцвечивала тоска. Так прошел месяц.

Однажды появились рабочие, вошли в беззащитно раскрытую дверь и за несколько минут выломали полки. Не успел Номер XII почувствовать свое новое состояние, как волна ужаса обдала его, показав, кстати, сколько в нем еще оставалось жизненной силы, нужной, чтобы испытывать страх.

По двору к нему катили бочку. Именно к нему. Даже на самом дне ностальгии, когда ему казалось, что ничего хуже случившегося с ним не может и присниться, он не думал о такой возможности.

Бочка была страшной. Она была огромной и выпуклой, она была очень старой, и ее бока, пропитанные чем-то чудовищным, издавали вонь такого спектра, что даже привычные к изнанке жизни работяги, катившие ее на ребре, отворачивались и матерились. При этом Номер XII видел нечто незаметное рабочим: в бочке холодело внимание, и она мокрым подобием глаза воспринимала мир. Как ее вкатывали внутрь и крутили на полу, ставя в самый его центр, потерявший сознание Номер XII не видел.

Страдание увечит. Прошло два дня, и к Номеру XII стали понемногу возвращаться мысли и чувства. Теперь он был другим, и все в нем было по-другому. В самом центре его души, там, где когда-то покоились омытые ветром рамы велосипедов, теперь пульсировала живая смерть,

сгушавшаяся в бочку, которая медленно существовала и думала; ее мысли теперь были и мыслями Номера XII. Он ощущал брожение гнилого рассола, и это в нем поднимались пузыри, чтобы лопнуть на поверхности, образовав лунку на слое плесени, это в нем перемещались под действием газа разбухшие трупные огурцы, и это в нем напрягались пропитанные слизью доски, стянутые ржавым железом. Все это было им.

Номера 13 и 14 теперь не пугали его, наоборот, между ними быстро установилось полубессознательное товарищество. Но прошлое не исчезло полностью – оно просто было оттеснено и смято. Поэтому новая жизнь Номера XII была двойной. С одной стороны, он участвовал во всем на равных правах с Номерами 13 и 14, а с другой, где-то в нем скрывались чувства. Сознание ужасной несправедливости того, что с ним произошло. Но центр тяжести его нового существа лежал, конечно, в бочке, которая издавала постоянное бульканье и потрескивание, пришедшее на смену воображаемому шелесту шин.

Номера 13 и 14 объясняли ему, что все случившееся – элементарный возрастной перелом.

– Вхождение в реальный мир с его заботами и тревогами всегда сопряжено с некоторыми трудностями, – говорил Номер 13, – совсем новые проблемы наполняют душу.

И добавлял ободряюще:

– Ничего, привыкнешь. Тяжело только сперва.

Четырнадцатый был сараем скорее философского склада (не в смысле хранилища), часто говорил о духовном и скоро убедил нового товарища, что если прекрасное заключено в гармонии («Это раз», – говорил он), а внутри – и это объективно – находятся огурцы или капуста («Это два»), то прекрасное в жизни заключено в достижении гармонии с содержимым бочки и в устранении всего, что этому препятствует. Под край его собственной бочки, чтоб не вытекало, был подложен старый философский словарь, который он часто цитировал; он же помогал ему объяснять Номеру XII, как надо жить. Все же Номер 14 до конца не доверял новичку, чувствуя в нем что-то такое, чего сам Номер XII в себе уже не замечал.

Постепенно Номер XII и вправду привык. Иногда он даже чувствовал специфическое вдохновение, новую волю к своей новой жизни. Но все-таки недоверие новых друзей было оправданным: несколько раз Номер XII ловил быстрый, как луч из замочной скважины, проблеск чего-то забытого и погружался тогда в сосредоточенное презрение к себе; чего уж говорить о других, которых он в эти минуты просто ненавидел.

Все это, конечно, подавлялось непобедимым мироощущением бочки с огурцами, и скоро Номер XII начинал недоумевать, чего это его так занесло. Постепенно он становился проще, и прошлое все реже тревожило его, потому что трудно стало догонять слишком мимолетные вспышки памяти. Зато бочка все чаще казалась залогом устойчивости и покоя, как балласт на корабле, и иногда Номер XII так и представлял себя: в виде теплохода, всплывающего в завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.